

Кубарев В.Д.
(г.Новосибирск)

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА АЛТАЯ

Алтай – колыбель многих народов. В наше время его территория поделена политическими границами четырех государств: Китая, Казахстана, Монголии и России. Мощный горный узел Табын-Богдо-Ула – «Пять Священных Вершин» не столько разделяет азиатские страны, сколько объединяет их. Блистающие вечным льдом пики алтайских гор всегда привлекали внимание многочисленных паломников. Об этом свидетельствуют археологические памятники: курганы, памятные стелы, надписи, каменные изваяния и священные обо на высокогорных перевалах (рис. 1). Дороги и горные тропы соединяли многие древние народы. Свообразными вехами, маркирующими миграционные пути можно назвать наскальные рисунки, в огромном числе распространенные на просторах Центральной Азии.

Изучение петроглифов Алтая продолжается вот уже второе столетие, но даже и сегодня ни один исследователь не может с полной уверенностью назвать точное число памятников на территории этой уникальной горной области в центре Азии. Отдельные попытки систематизации и учета петроглифических памятников Алтая уже предпринимались. Однако они фиксировали местонахождения наскальных рисунков только для отдельных районов Алтая: в Чуйской степи, в долинах рек Елангаша и Юстыда, на средней Катунь и т.д. (Хороших, 1947; Ешелкин, 1974; Шер, 1980; Кубарев, 1980; Окладникова, 1984; и др.) В недавно опубликованной сводке о петроглифах Алтая рассматривается история их исследования, сделан критический обзор публикаций, прилагается археологическая карта всех известных на тот день пунктов с наскальными рисунками (172 памятника) и библиографический список работ (Кубарев, Маточкин, 1992). В ней также рассматриваются некоторые вопросы, связанные с периодизацией, методикой исследования и интерпретацией памятников наскального искусства Алтая. Но накопление изобразительных материалов идет столь быстрыми темпами, что нашу сводку, вышедшую 6 лет назад можно считать устаревшей. За прошедшее время, только усилиями одной экспедиции на плато Укок открыто и обработано около 30 пунктов с наскальными изображениями (Молодин, Черемисин, 1995). Несомненно, что и дальнейшие изыскания на Алтае выявят еще много интереснейших памятников, но уже сейчас ясно, что основной круг алтайских петроглифов очерчен.

Серьезной проблемой на сегодняшний день остается неравномерная изученность памятников. Если некоторым местонахождениям на-

скальных рисунков (Елангаш, Куюс, Калбакташ) посвящены монографические работы (Окладников и др., 1979; Они же, 1980; Они же, 1981; Они же, 1982; Окладников, Окладникова, 1984; Окладникова, 1984; Kubarev, Jacobson, 1996), то материалы других, не менее крупных и уникальных памятников (Чаганка, Кок-Узек, Туру-Алты, Жалгыз-Тобе, Каракол, и т.д.) известны только по небольшим статьям и сообщениям.

Изучение петроглифов Алтая всегда занимало значительное место в полевых исследованиях автора. С 1968 года ежегодно обследовались многие известные памятники и открывались новые. Итоги этих работ суммированы в двух упомянутых монографиях, а также в двух сводных статьях, посвященных и другим археологическим памятникам Кош-Агачского района Республики Алтай (Кубарев, 1980, с. 69-91; Кубарев, 1988, с. 107-144). Информация о новых петроглифах регулярно публиковалась в российском ежегоднике «Археологические открытия».

В последние годы полевые работы по изучению наскальных рисунков Алтая проводились совместно с иностранными учеными. На исследование уже известных и поиски новых древних памятников были нацелены усилия небольшой Российско-Монголо-Американской экспедиции, организованной шесть лет назад под эгидой Алтайского Международного Центра (Институт Археологии и Этнографии Сибирского Отделения Академии Наук). Одной из задач, поставленных перед сотрудниками международной экспедиции, была регистрация, описание и изучение наиболее крупных археологических комплексов российской части Алтая. Они, как правило, включают не только наскальные рисунки, но и курганные могильники, каменные изваяния, стелы, ритуальные сооружения, и т.п. Четыре таких древних комплекса (Жалгыз-Тобе, Елангаш, Чаганка, Туру-Алты) обследовались в Чуйской степи в 1992-93 гг. (Кубарев, Якобсон, Масумото, 1993; Jacobson, 1991, 1993).

В период 1993-98 гг. международная экспедиция проводила разведочные и стационарные исследования в пределах Монголии (см. рис. 1). Например, маршруты полевых сезонов 1995 и 1998 гг. (общей протяженностью более 2000 км) пролегли в основном по высокогорьям Монгольского Алтая. Были открыты десятки неизвестных ранее памятников: куресуры, курганные могильники древних кочевников, оленные камни, тюркские изваяния (Tseveendorj, Jacobson, Kubarev, 1997, p. 1-6).

Алтай с его высокими хребтами, сетью трудно преодолеваемых рек и глухими урочищами являлся идеальным местом для возникновения и дальнейшего развития историко-культурных зон. Обусловленные природно-ландшафтными и климатическими условиями, одинаковыми типами ведения производящего хозяйства, - они на протяжении многих веков сохраняли консервативные черты материальной и духовной культуры древне-алтайского населения. Это с одной сто-

роны облегчает разработку хронологии древних памятников, имеющих эволюционно-поступательный характер, а с другой затрудняет определение временных ареалов отдельных культур, в силу их преемственности и традиционности. Алтайские петроглифы создавались в течении тысячелетий и первостепенными задачами исследований является создание периодизации, выделение различных хронологических пластов и их культурная атрибуция. До настоящего времени в сибирской археологии одной из актуальнейших проблем остается определение даты многих памятников наскального искусства. Масса сходных сюжетов и персонажей алтайских петроглифов, выполненных в однообразном стиле и к тому же одинаковой техникой, значительно затрудняют их классификацию. Нужно признать, что до сих пор одним из распространенных методов хронологических привязок остается метод прямых аналогий с датированными предметными коллекциями из синхронных погребальных комплексов. При этом, важным условием является использование тех материалов, которые происходят из одного района или из отдельной географической провинции. Именно такое комплексное изучение разнообразных археологических памятников осуществлялось многие годы в высокогорных районах Алтая (Кубарев, 1993, с. 104-112).

Серьезной проблемой является определение даты наиболее древних рисунков в Центральной Азии. До сих пор древнейшим памятником начального искусства в Монгольском Алтае считалась пещера Хойт-Цэнкер. Росписи в ней, выполненные охрой, были датированы эпохой палеолита (Окладников, 1972). Но даже в те годы, когда в Монголии впервые была открыта пещерная живопись, отдельные исследователи сомневались в ее палеолитическом происхождении (Ларичев, 1968, с. 353). В настоящее время появился ряд публикаций, ставящих под сомнение палеолитический возраст росписей пещеры Хойт-Цэнкер (Варенов, 1995, с. 17-18; Он же, 1998, с. 89-91; Корсун, 1995, с. 77-80; и др.). Проблеме датирования росписей Хойт-Цэнкера и «палеолитических» рисунков Аршан-Хада (Восточная Монголия) был посвящен и большой раздел статьи автора, в котором на основе анализа имеющихся данных был сделан вывод, что в настоящее время рисунков, относящихся к эпохе камня в Центральной Азии пока неизвестно (Кубарев, 1997, с. 25). Наше предположение об отсутствии палеолитических росписей в пещерах и гротах соседнего Китайского Алтая также подтвердилось. Нижняя хронологическая граница создания крашенных рисунков «пещерного искусства» определена китайскими археологами периодом позднего неолита или эпохой ранней бронзы (Варенов, 1998, с. 89-90). И совсем недавно открыты рисунки, выполненные охрой еще в двух пещерах Монголии: Цаган Агуй и Сальтын (Гобийский Алтай). Исследователи, по аналогии с забайкальскими памятниками, связы-

вают их с культурой плиточных могил и датируют росписи концом II – началом I тыс. до н.э. (Деревянко, Петрин, 1997, с. 73-75; Петрин, 1998, с. 112-113).

Настоящей сенсацией 1998 года стало открытие рисунков, по мнению Д. Цэвээндоржа корректирующих дату самых древних изображений на р. Бага-Ойгур (Монгольский Алтай), отнесенных ранее к неолиту-энеолиту. Найденные изображения мамонта или слона (?) монгольский археолог датирует поздним палеолитом. Действительно, среди многочисленных петроглифов Монголии подобный персонаж неизвестен, хотя в красочных росписях пещеры Хойт-Цэнкер имеется единственная композиция с животными, напоминающими слонов (Окладников, 1972, с. 37-40, рис. 20, рис. 21). Но если и дальше считать оригинальные росписи пещеры энеолитическими, то нужно признать предположение монгольского коллеги ошибочным.

До недавнего времени самыми древнейшими рисунками в Российском Алтае считались контурные фигуры оленей верхнего яруса Куюского грота (рис. 2, 1), датируемые неолитической эпохой (Окладникова, 1984, с. 73). Близкие по стилю, технике исполнения и большим размерам изображения оленей известны и в петроглифах Калбак-Таша (рис. 2, 2-4). Они также выделены в неолитический период (Кубарев, 1990, с. 156). В эту группу, достаточно редких для Алтая реалистичных изображений оленей можно включить аналогичные петроглифы в гроте Куйлю (рис. 2, 5) и у оз. Музды-Булак (плато Укок). Но, их происхождение В.И.Молодин соотносит с афанасьевской (?) культурой Алтая (1996, с. 178-181). Следует еще назвать Турочакскую писаницу которую исследователи первоначально относили к финальному неолиту (Окладников, Молодин, 1978, с. 11-21), а затем, после появления новых изобразительных материалов, к эпохе бронзы (Молодин, 1993, с. 10-25). С открытием новых петроглифов на плато Укок появилось несколько коротких сообщений и статей. Авторы открытия считают петроглифы, обнаруженные у калгутинского рудника, древнейшими на Алтае и датируют их поздним палеолитом (один из персонажей см. на рис. 2, 7). Однако слабо аргументированная хронология укокских наскальных рисунков не убеждает в этом. Критические замечания в моей статье, специально посвященной петроглифам Калгутов (Кубарев, 1977, с. 88-97), очевидно, были учтены. Но, отказавшись от сомнительных аналогий в центрально-азиатских и сибирских петроглифах, исследователи, тем не менее, продолжают настаивать на верхнепалеолитическом возрасте калгутинских изображений, приводя в качестве доказательства новые параллели из палеолитических памятников Португалии и Испании (Молодин, 1998, с. 60-61). Таким образом, вопросы зарождения и эволюции первобытного искусства на территории Алтая и сегодня остаются открытыми и дискуссионными.

К эпохе энеолита-бронзы относится самая многочисленная группа петроглифов Алтая. Различаясь локальным (в стилистическом плане) своеобразием в России, Монголии и Китае, они удивительно одинаковы по каноничным сюжетам и персонажам. В основном это: стилизованные изображения женщин (Kubarev, Jakobson, 1997, fig. 190-195), часто в эротизированной позе (рядом со зверем, в сценах совоплощения (рис. 3, 7), «роженицы», и т.д.); мужские фаллические фигуры, рисунки рук и стоп (рис. 3, 2), личин или масок (рис. 3, 3); чашечные углубления, колесницы и выючные быки, погонщики и воины, вооруженные палицами и копьями; фантастические хищники, а также парнокопытные животные, выполненные в реалистичной манере (рис. 3, 1,3,4). К числу редко встречаемых на Алтае образов бронзовой эпохи следует отнести рисунки рыб, змей, медведей и лодок. При датировании этого исторического периода у археологов не возникает серьезных разногласий, хотя других синхронных памятников (погребения, поселения, и т.д.), необходимых для перекрестных аналогий, на Алтае почти нет. Здесь важную роль играют, пока еще немногочисленные, изобразительные материалы каракольской культуры (Кубарев, 1988; он же, 1992 а, с. 48) и родственной ей окуневской культуры Хакасии (Вадецкая, 1980, с. 57-77; Леонтьев, 1980, с. 27-34).

Скифский период в наскальных рисунках Алтая выделяется при сравнении их с датированными находками из погребальных памятников пазырыкской культуры и синхронных ей культур из других регионов Центральной Азии. В петроглифах и материалах из курганов древних кочевников четко определяется группа одинаковых персонажей, хорошо коррелируемых между собой. Она включает изображения, выполненные в «алтайском зверином стиле» (рис. 4). В петроглифах и среди находок мелкой пластики этого периода главенствует образ оленя. Эссовидная форма рогов, клювовидные морды оленей из петроглифов (см. рис. 4, 1-3) и на оленых камнях повторяются в деревянных фигурах оленей из курганов Уландрыка и Сайлюгема (Кубарев, 1987, с. 103, рис. 41; Он же, 1992, с. 96, рис. 28, 1). Причем, расположение рисунков оленей на скальных плоскостях по диагонали (Туру-Алты, Калбак-Таш, Цагаан-Салаа и т.д.) идентично диагональному размещению их изображений на многих оленных камнях Центральной Азии. Часто встречаемые парные разнополюые изображения животных в петроглифах (рис. 5) и деревянной скульптуре указывают на их культурно-генеалогический характер (Кубарев, 1979, с. 31, табл. XI; табл. XII).

Значительная часть рисунков скифской эпохи сакрализована. Символы в виде дисков, колец и спиралей находятся рядом с изображениями животных, а нередко украшают рога и хвосты мифических зверей (рис. 6). Такие же солярные элементы присутствуют и в миниатюрной скульптуре из Уландрыка и Юстыда. Но они сочетают-

ся иначе: рельефный овал - символ светила зажат между копытами «летающего» оленя (Кубарев, 1987, с. 103, рис. 41) или рельефная окружность вписана в бедро фигурки барана (Кубарев, 1992, с. 105, рис. 33, 4.5); а также шаровидный подстав для деревянной скульптурки «небесного» коня (Кубарев, 1987, с. 96, рис. 37), . Связь деревянных изображений животных с солнцем и небесной сферой также подчеркнута покрытием их листовым золотом. Вместе с тем изображения «небесных» коней в петроглифах Алтая встречаются редко. Можно указать на один петроглиф в Калбак-Таше, где на кончиках задранных хвостов двух коней изображены шары с лучами (Kubarev, Jacobson, 1996, fig. 453), а также на рисунки коней в Елангаше, на спине которых обозначено крыло (Кубарев, 1979, с. 77, рис. 25, 1,2). Своей летящей позой и пропорциями они напоминают фигурку коня из Уландрыка, в спине которого прорезано узкое отверстие, возможно, для вставного кожного крыла (Кубарев, 1981, с. 86, рис. 1, 9). На еще один рисунок коня из Елангаша, выполненный в типично раннескифской манере, налегает фигурка человека, нанесенная несколько позже. Таким приемом изображены первые всадники в петроглифах Елангаша. Всадники скифского периода известны также в наскальных рисунках Туру-Алты (Кубарев и др., 1993, с. 63, рис. 1), Калбак-Таша (Kubarev, Jakobson, 1996, fig. 362) и Цагаан-Салаа в Монгольском Алтае (рис. 4, 9).

Другие образы пазырыкского искусства: барсы, волки и кабаны реализуются в петроглифах еще более точно. Они также маркированы солярными знаками. Это завитки, спирали и крылья на туловищах животных. Аналогичные им по иконографии деревянные фигурки хищников из курганов Чуйской степи, также покрывались листовым золотом (Кубарев, 1987, с. 117, рис. 46). Изображения птиц, достаточно редкие в петроглифах Алтая, очень часто встречаются в находках из курганов древних кочевников. Вырезанные на золотых листках эти плоскостные изображения сильно стилизованы (Кубарев, 1987, с. 101, рис. 31; Он же, 1992, с. 122, рис. 32). Они больше напоминают распластанные изображения орлов в древних петроглифах Монгольского Алтая (рис. 4, 8), Забайкалья и Хакасии (Кубарев, Черемисин, 1984, с. 86-100). Зато скульптурные фигурки орлов из Уландрыка и Юстыда очень оригинальны и реалистичны (Кубарев, 1987, с. 101, рис. 39; Он же, 1991, с. 122, рис. 32). Связь их с солнцем и небом также усиливается покрытием листовым золотом. Вообще возможности мелкой пластики были гораздо богаче и разнообразнее, чем выполнение аналогичных изображений на камне.

Образ фантастического зверя, известный уже в эпоху бронзы по петроглифам Елангаша, Калбак-Таша и Куюса, продолжал развиваться и в скифское время. В пазырыкском искусстве таких синкретичных существ, сочетающих в себе черты различных животных, предостаточно. Од-

нако в петроглифах скифского периода Алтая этот образ почти неизвестен.

Проблемным остается определение дат и выделение культурно-хронологических пластов наскальных рисунков Алтая, выполненных в период от рубежа нашей эры до этнографического времени. Оно осложняется еще и тем, что в это время во многих регионах преобладает единая техника нанесения рисунков (так называемые граффити), а стиль и сюжеты становятся одинаковыми и однообразными на огромных просторах Евразии. В петроглифах Алтая гравированные рисунки достаточно представительны и присутствуют, практически на всех памятниках (Окладникова, 1988, с. 140-158; Елин, Соенов, 1990, с. 161-177; Молодин, 1992, с. 91-93; Кубарев, 1992а, с. 47-48; Он же, 1993, с. 104-112; и т.д.). В их многовековой истории создания (от энеолита до современности) представляется возможным наметить три основных периода: гунно-сарматский, древнетюркский и этнографический. Рисунки гунно-сарматского периода, унаследовавшего элементы динамичного звериного стиля ранних кочевников, становятся все более сухими и схематичными (рис. 7). Они с одной стороны еще связаны с искусством скифской эпохи, а с другой являются основой наскального искусства древнетюркского времени. Мир мифических зверей сменяется сценами охоты и военных столкновений (рис. 8). В отдельных случаях о таких композициях трудно сказать относятся они к гунно-сарматскому или древнетюркскому периодам. Это хорошо видно на примере граффити Кара-Оюка (Российский Алтай), которые Е.А. Окладникова, весьма условно разделила на несколько хронологических пластов (1988, с. 143). Видимо и в данном случае опять требуются более точные и убедительные аналогии из датированных источников. Но если памятники древних тюрков уже открыты и в них найдены образцы художественного творчества средневековых кочевников (Гаврилова, 1965, табл. У1, табл. ХУ1, и т.д.), то искусство гунно-сарматской эпохи Алтая нам также незнакомо, потому, что в погребениях этого времени почти отсутствуют изобразительные материалы.

Неизвестны на Алтае и памятники монгольского времени. С их открытием, надо предположить, будут выделены из общей массы петроглифов рисунки этого сложного и малоизученного периода в истории древнего населения Алтая. В огромном пласте гравированных рисунков, несомненно, имеются сюжеты эпохи джунгарского владычества. Их также предстоит отделить не только от более древних граффити, но и от рисунков этнографического периода.

До недавнего времени рисунки алтайцев (рис. 9) не привлекали должного внимания исследователей. Наверное, это было связано, прежде всего, с трудностями, неизбежно возникающими при копировании графических рисунков, отсутствием разработанной методики и опыта работы с граффити. Так, при сплошной фиксации разновременных петроглифов Елангаша,

гравированные рисунки пропускались или копировались только несложные сюжеты. Начало всестороннего исследования граффити было положено Ю.В. Гричаном, который, в лабораторных условиях изучил крупный валун из Елангаша (1978, с. 170-178). Публикация этого памятника может послужить примером всестороннего изучения и одновременно методологическим пособием для обработки рисунков, выполненных тончайшей гравировкой. Любопытными представляются и образцы «мобильного искусства» алтайцев – гравированные гальки, в большом числе найденные В.Д. Кубаревым и затем опубликованные Ю.В. Гричаном (1987, с. 178-201).

А.И. Мартынов в своем предварительном сообщении «О древних изображениях Каракола» основное внимание также уделил анализу сюжетов средневековых и этнографических граффити. По его мнению: «Наряду с простыми бытовыми сценами и религиозно-мифологическими здесь, несомненно, есть картины и изображения на темы героического сказаний о богатыре Алтай-Бучай, на сюжеты героического эпоса «Маадай-Кара», «Когутей», «Солтон-Мергена» и других...» (Мартынов, 1985, с. 82). Серьезный подход к изучению граффити продемонстрировала и Е.А. Окладникова. Она применила новую методику копирования рисунков, классифицировала изобразительные сюжеты, дала их характеристику и наметила периодизацию петроглифов Кара-Оюка. Для семантической реконструкции отдельных персонажей Е.А. Окладникова использовала широкий круг аналогий, - от археологических материалов до этнографических источников. При всей масштабности сопоставительного анализа, использованного в работе, все-таки были мало использованы местные, собственно алтайские изобразительные материалы.

Алтайские петроглифы представляют огромный интерес не только для археологов, палеонтологов, искусствоведов, но и исследователей, занимающихся реконструкцией социально-экономических структур древних обществ. Материалы, полученные в результате изучения наскальных изображений, дают реальную возможность определить хозяйственный тип, исторически сложившийся в горах Алтая и сохранившийся здесь в течение четырех последующих тысячелетий. Основными его компонентами служили скотоводство и охота. Они были обусловлены особенностями природной среды, - районов, удобных для разведения скота и граничащей с ними тайгой, изобилующей зверем. В многочисленных композициях и сценах выполненных на скалах можно проследить моменты, связанные с социальной структурой, идеологическими представлениями, определенными культами и ритуальными действиями древнего населения.

В числе поставленных проблем изучения алтайской петроглифики можно назвать: более конкретное определение материальной стороны производственной деятельности; установление традиционных видов, способов и приемов охоты и военной тактики; а также исследование символики, семантики орудий и оружия и интерпретация наиболее популярных образов древнеал-

Сборник научных статей

тайского бестиария - сообщества зверей мифологического и космического порядка.

В перспективе дальнейшего изучения наскального искусства Алтая, обладающего широким хронологическим диапазоном, необходимо более широкое привлечение археологических материалов из погребальных комплексов. А выявление опорных датирующих блоков петроглифов позволяет выяснить назначение и содержание отдельных наскальных композиций, происхождение и смысл которых пока остаются для нас непонятными.

ЛИТЕРАТУРА

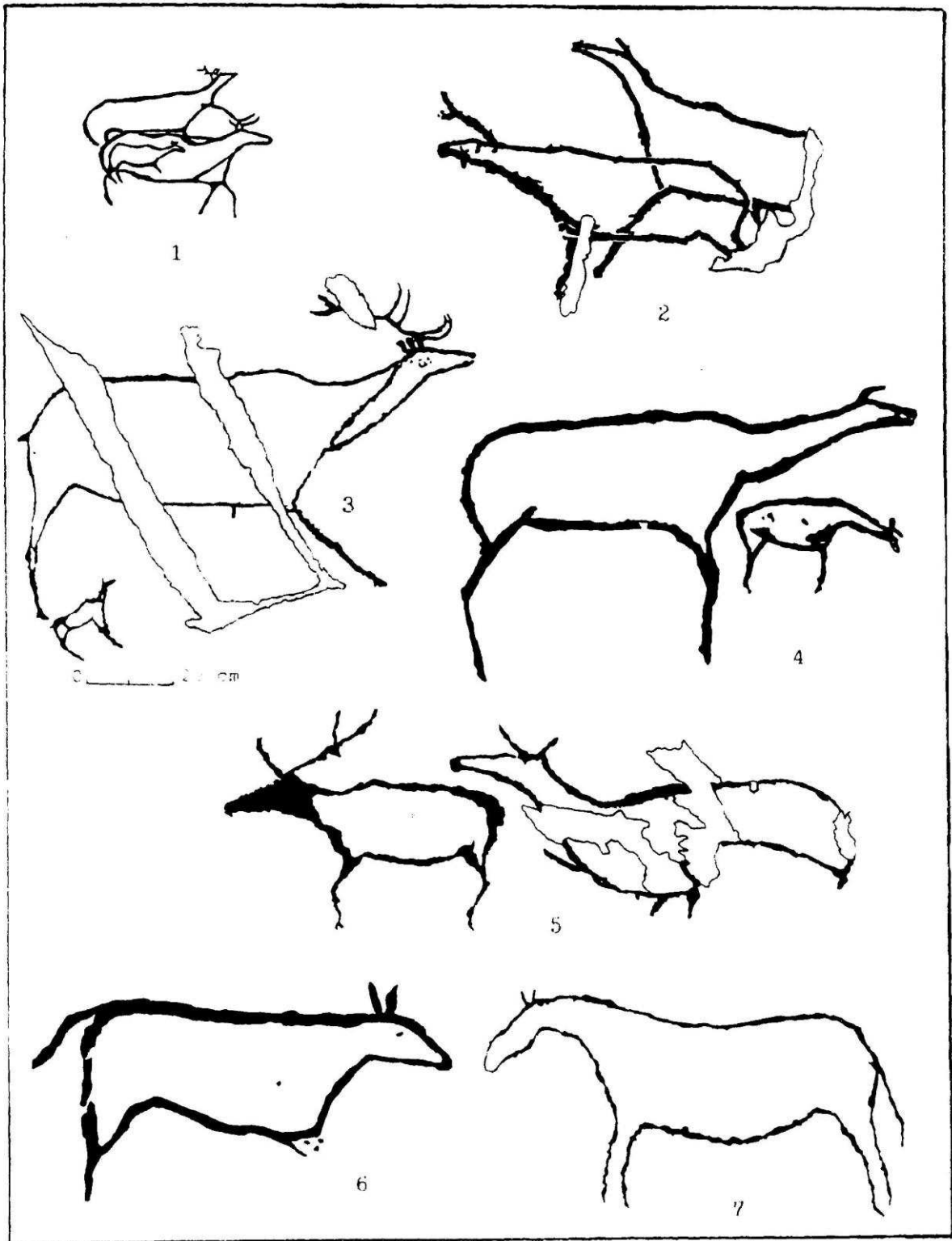
1. Варёнов А.В. К уточнению датировки пещерного искусства из Хойт-Ценкер Агуй, Монголия // Наскальное искусство Азии. Вып. 1. Кемерово. - 1995. - С. 17-18.
2. Варенов А.В. Пещерное искусство китайской части Монгольского Алтая // Международная конференция по первобытному искусству. - Кемерово, 1998. - С. 89-91.
3. Вадецкая Э.Б. Изваяния окуневской культуры // Памятники окуневской культуры. - Л., 1980. - С. 57-77, табл. ХХХП - LVI.
4. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. - М.-Л., 1965. - 110 с.
5. Гричан Ю.В. Камень с р. Дъелангаш (Горный Алтай) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. - Новосибирск, 1978. - С. 170-178.
6. Гричан Ю.В. Новые материалы по изобразительному искусству Горного Алтая // Традиционные верования и быт народов Сибири. - Новосибирск, 1987. - С. 178-201.
7. Деревянко А.П., Петрин В.Т., Николаев С.В., Мыльников В.П., Цэвээндорж Д. и др. Изучение пещерных и наскальных изображений в Гобийском Алтае (Баян-Хонгорский аймак) // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск, 1996. - С. 73-75.
8. Елин В.Н., Соенов В.И. Новые археологические памятники в зоне планируемого строительства Катунской ГЭС // Археологические исследования на Катунь. - Новосибирск, 1990. - С. 161-177.
9. Корсун О.В. К проблеме идентификации наскальных изображений птиц из пещеры Хойт-Цэнхэрийн-Агуй // Культурные традиции Сибири и Америки: преемственность и экология. - Чита, 1995. С. 77-80.
10. Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая. - Новосибирск, 1979. - 120 с.
11. Кубарев В.Д. Археологические памятники Кош-Агачского района (Горный Алтай) // Археологический поиск (Северная Азия). - Новосибирск, 1980. - С. 69-91.
12. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. - 302 с.
13. Кубарев В.Д. Конь в сакральной атрибуции ранних кочевников Горного Алтая // Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха железа. - Новосибирск, 1981. - С. 84-94.
14. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. - 302 с.
15. Кубарев В.Д. Археологические памятники истоков Чуи // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. - Горно-Алтайск. ГАНИИИЯЛ, 1988. - С. 107-144.
16. Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. - Новосибирск, 1988а. - 173 с.
17. Кубарев В.Д. Периодизация петроглифов Калбак-Таша // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. - М., 1990. - С. 154-157.
18. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. - 190 с.
19. Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. - 220 с.
20. Кубарев В.Д. Каракольские сюжеты в новых петроглифах Алтая // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. Горно-Алтайск, 1992а. - С. 47-48.
21. Кубарев В.Д. Датировка петроглифов по находкам из погребальных комплексов Алтая // Современные проблемы изучения петроглифов. - Кемерово, 1993. - С. 104-112.
22. Кубарев В.Д. О петроглифах Калгуты // Наскальное искусство Азии.-Вып. 2. Кемерово, 1997. - С. 88-97.
23. Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д. Новые каменные изваяния Алтая // Известия лаборатории археологии. Вып. 1.- Горно-Алтайск. ГАГУ, 1995.- С. 149-163.
24. Кубарев Г.В., Цэвээндорж Д. Раннесредневековые граффити Монгольского Алтая // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. - Новосибирск, 1996 - С. 140-143.
25. Кубарев В.Д., Черемисин Д.В. Образ птицы в искусстве ранних кочевников Алтая // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск, 1984. - С. 86-100.
26. Кубарев В.Д., Маточкин Е.И. Петроглифы Алтая. - Новосибирск, 1992. - 120 с.
27. Кубарев В.Д., Якобсон Е., Масумото Т. Исследования в предгорьях Сайлюгема // Altaika. № 2. Новосибирск, 1993. - С. 63-68.
28. Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Е. Новые петроглифы Монголии // Наскальное искусство Азии. Кемерово, 1995. - С. 20-21.
29. Леонтьев Н.В. Гравированные изображения животных в могильнике Черновая УШ // Памятники окуневской культуры. - Л., 1980. - С. 27-34, табл. ХХХ-ХХХ1.
30. Ларичев В.Е. Охотники за мамонтами. Новосибирск, 1968. - 368 с.
31. Мартынов А.И. О древних изображениях Каракола // Археология Южной Сибири. - Кемерово, 1985. - С. 80-86.
32. Молодин В.И. Усть-Канская писаница // Первобытное искусство. Наскальные рисунки Евразии. Новосибирск, 1992. - С. 91-93.
33. Молодин В.И. Еще раз о датировке турочакских писаниц // Культура народов Южной Сибири. - Барнаул, 1993. - С. 10-25.
34. Молодин В.И. Наскальные изображения афанасьевской культуры (к постановке проблемы) // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск, 1996. - С. 178-180.
35. Молодин В.И. Древнейшие изображения плато Укок и их европейские аналогии // Международная конференция по первобытному искусству. - Кемерово, 1998. - С. 60-61.

Известия лаборатории археологии №4

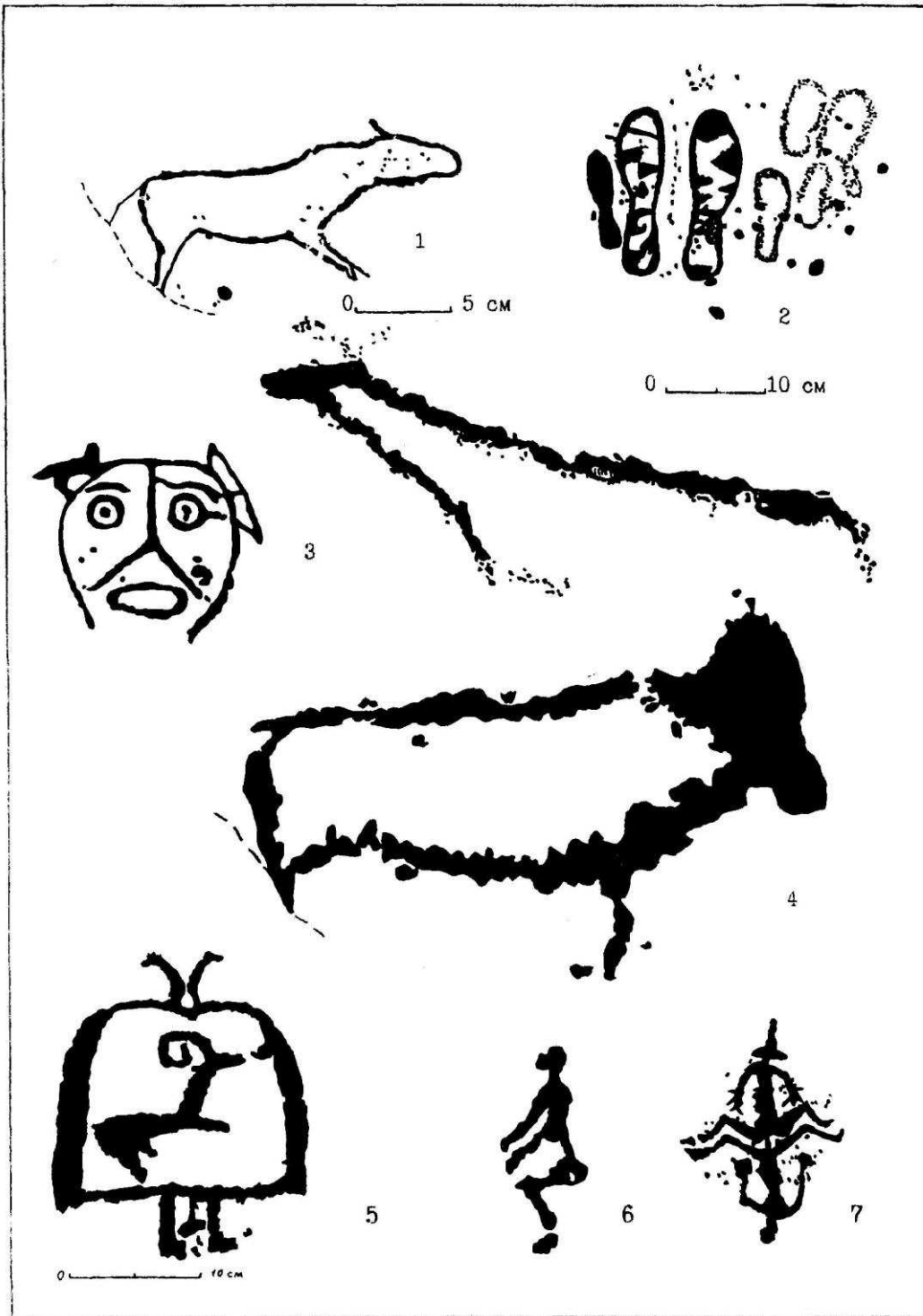
37. Молодин В.И., Черемисин Д.В. Древнейшие петроглифы Алтая // Обозрение, 1993 год. - Новосибирск, 1995. - С. 89-91.
38. Окладников А.П. Центральнo-Азиатский очаг первобытного искусства. – Новосибирск, 1972. – 76 с.
39. Окладников А.П., Молодин В.И. Турочакская писаница // Древние культуры Алтая и Западной Сибири.- Новосибирск, 1978. - С. 11-21.
40. Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы долины реки Елангаш. - Новосибирск, 1979. - 137 с.
41. Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы Горного Алтая. - Новосибирск, 1980. - 140 с.
42. Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы Чанкыр-Келя. Новосибирск, 1981. 146 с.
43. Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы урочища Сары-Сатак. Новосибирск, 1982. – 149 с.
44. Окладников А.П., Окладникова Е.А. Древние рисунки Кызыл-Келя. Новосибирск, 1985. - 147 с.
45. Окладникова Е.А. Петроглифы Средней Катуня. - Новосибирск, 1984. - 110 с.
46. Окладникова Е.А. Граффити Кара-Оюка. Восточный Алтай // Материальная и духовная культура народов Сибири.- Л., 1988.- С. 140-158.
47. Петрин В.Т. Рисунки в гротах Центральной Азии // Международная конференция по первобытному искусству. Кемерово, 1998. – С. 112-113.
48. Самашев З.С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. - Алма-Ата, 1992. - 287 с.
49. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. - М., 1980. - 328 с.
51. Kubarev V.D., Jakobson E. Repertoire des petroglyphes d'asie centrale. Sibirie du sud 3: Kalbak-Tash I (Republique de L'Altai). - Т. У. 3, F. 3. - Paris, 1996. - 256 p.
52. Tseyendorj D., Jakobson E., Kubarev V.D. Newly recorded petroglyphic complexes in the Altay mountains, Bayan-Olgii aimag, Mongolia // International newsletter on rock art (I. N. O. R. A.). - Paris, 1997. - № 17. - P. 1-6.
53. Jacobson E. Siberia's Gorno-Altai - Crossroads of Culture // Archaeology, Sept.-Oct. 1991.
Jacobson E. Siberian Express, An Archaeological Journey // GPS World, January 1993.

Карта Центральной Азии и Алтая.

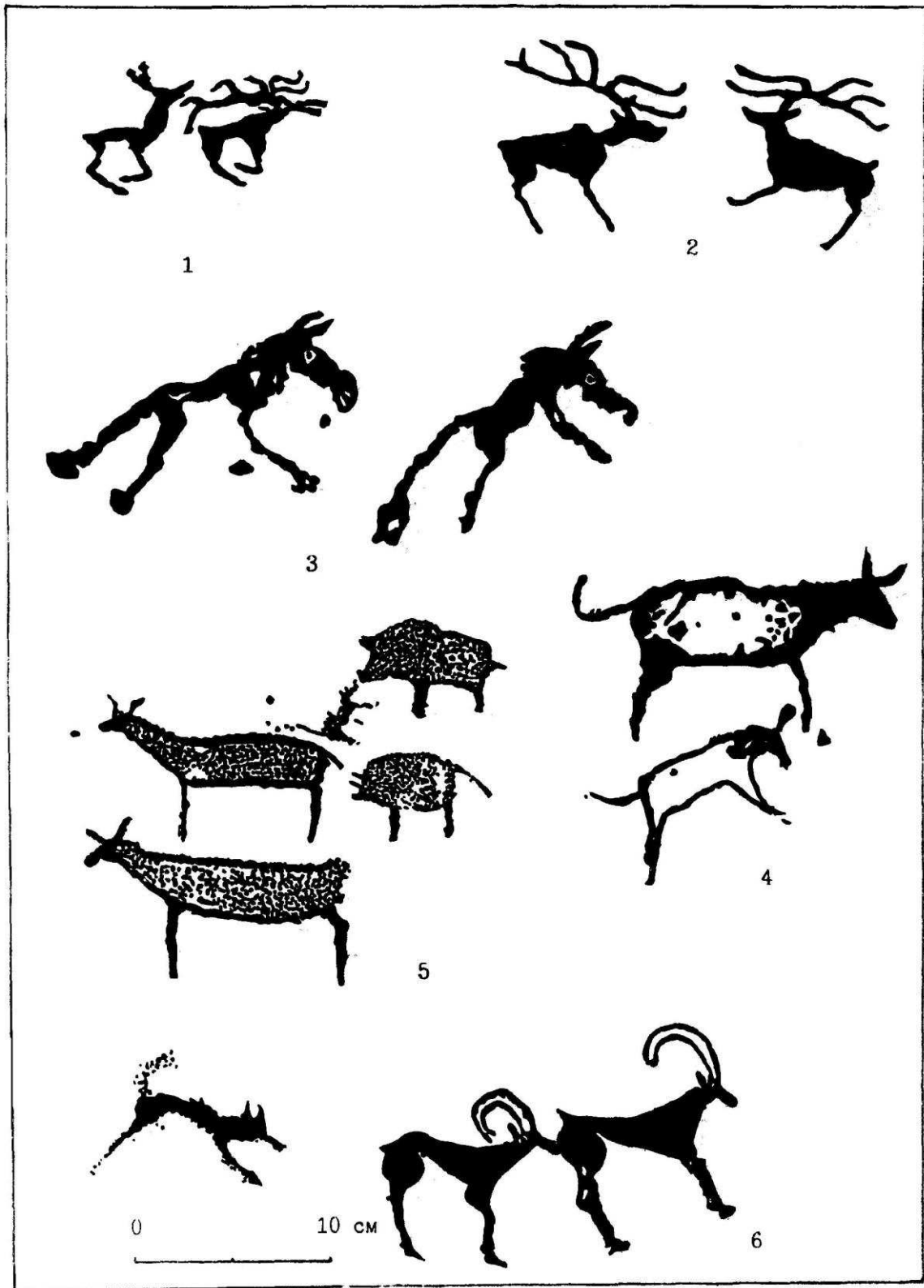
Древнейшие петроглифы Российского Алтая: 1 Куюс, 2-4 Калбак-Таш, 5 Куйлю, 6 Курман-Тау, 7 Калгуты.

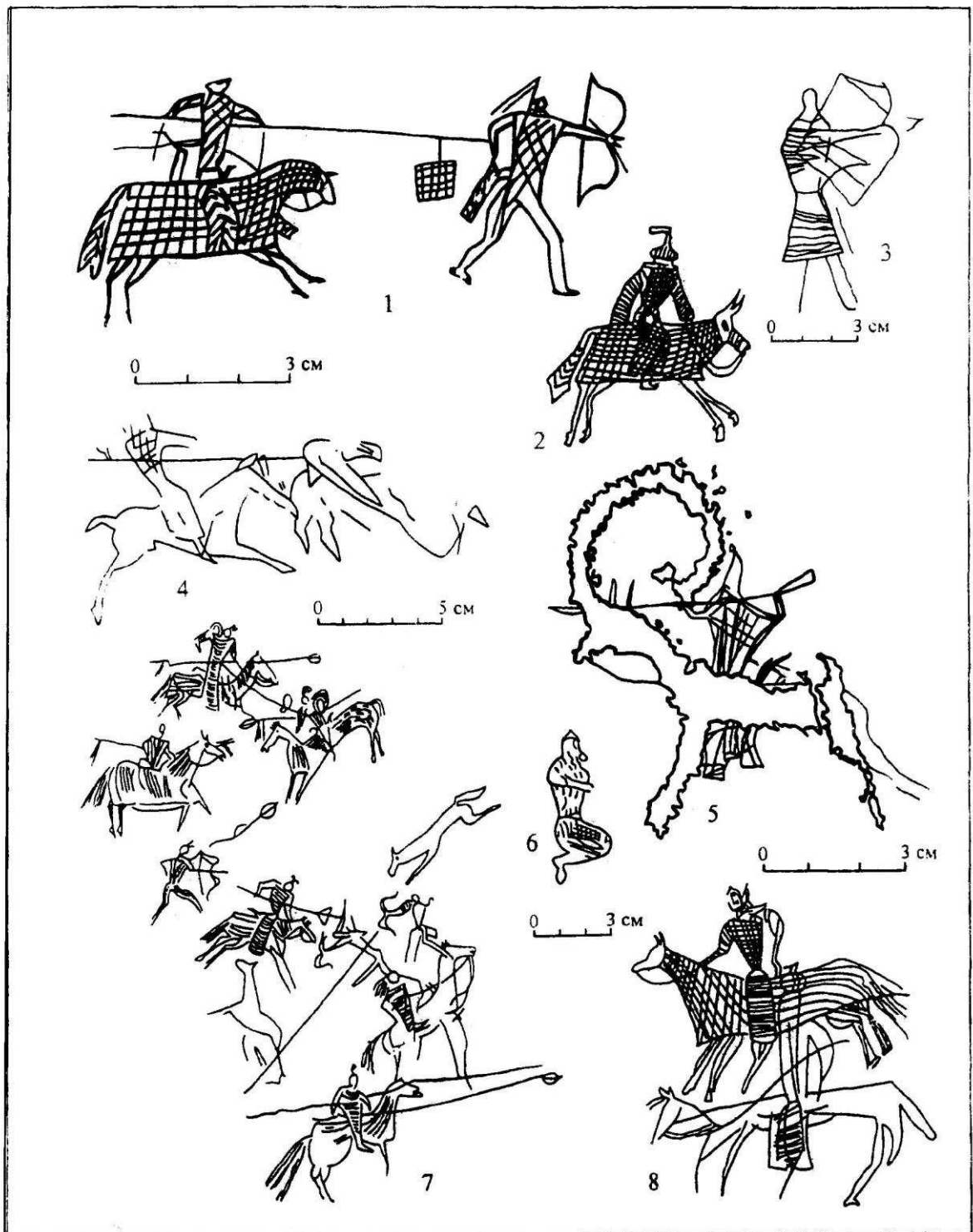
Петроглифы эпохи энеолита и бронзы. Монгольский Алтай.

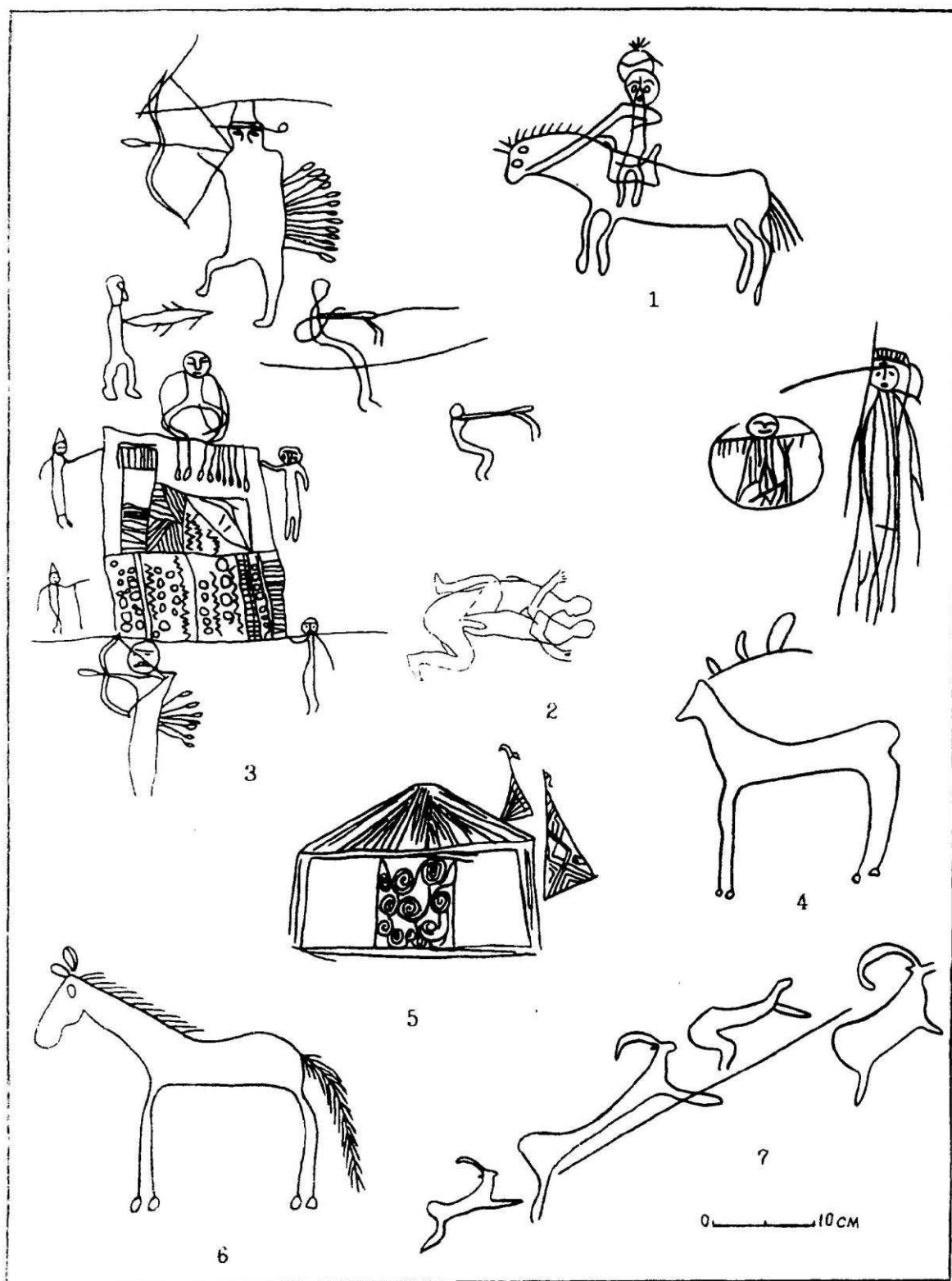
Петроглифы скифского времени. Российский и Монгольский Алтай

Парные изображения животных из петроглифов Монгольского Алтая.

Граффити древнетюркского периода. Российский Алтай.
1,2,5 - Жалгыз-Тобе; 3 - Бичикту-Бом; 4 - Юстыд, оградка; 6 - Кудыргэ; 7,8 - Кара-Оюк.

Граффити этнографического времени: 1, 3-7 Каракол (Российский Алтай), 2 Цагаан-Салла (Монгольский Алтай).